

Андрей Приданников

"Зазеркальные" материалы

время и герои братьев Стругацких

Андрей Приданников
Зазеркальные
материалы. Время и
герои братьев Стругацких

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63027753
SelfPub; 2020*

Аннотация

Даже по прошествии века после завершения таинственной операции "Зеркало", её тень продолжает отпечатываться на людях и событиях Мира Полудня...

Содержание

05.12.2235г. Музей	4
12.12.2235г. Координационный штаб прогрессорских операций	20
15.12.2235г. Музей; Координационный штаб	28
20.12.2235г.	57
23.12.2235г. Музей	59
25.12.2235г. Зал заседаний Мирового Совета	75

05.12.2235г. Музей

В начале декабря около часу дня я сидел за столом в своем кабинете в Музее внеземных культур, пил вино и смотрел через окно, как метель, который уже час, заметает Свердловск. Заметало город основательно; из окна, с верхнего этажа, где на галереях находились рабочие кабинеты сотрудников, были видны только размытые силуэты окрестных кварталов в снежных завихрениях. Очень легко было представить себе, как такая же метель резвилась здесь и сто, и тысячу лет назад, и много ещё раньше. Я отпил вина из стакана, благостно взглянул на бутылку, где оставалась еще половина, и уставился в экран. «Легко видеть...» – значилось в последней строчке. Надо было набросать текст от руки, да записать в транслятор, запоздало подумал я. Со времени работы на Гиганде у меня эта привычка – писать от руки; говорят, дикая какая-то привычка. Не знаю... Никакого текста не хотелось мне составлять: ни печатного, ни рукописного. Опять всё то же самое... «Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что». Подумай о том – не знаю о чём, придумай то – не знаю чего. Как обычно. Как последние годы, и началось это ещё задолго до «Всплеска». Приходит, как всегда, с загадочным видом Каммерер, приносит материалы из своих бездонных архивов, просит проанализировать, мнение высказать... Ка-

жется, это даже не архивы, а какой-то генератор мифов: диких, нелепых, страшных, курьезных. Станных. А главное – на все случаи жизни. «Что по поводу этого можешь сказать?» – спрашивает Каммерер и вываливает кучу документов самого разнообразного формата и содержания. Смотрю, изучаю, озвучиваю суть, если нахожу ее. «Отлично!» – говорит Каммерер. «Молодец!» – говорит. А вот в этом аспекте? – и вываливает вторую кучу документов, которая всё с ног на голову ставит. И дальше в том же духе. Интересно, это и есть основное проявление «синдрома Сикорски», когда документы никак не систематизируются?

Налил себе ещё, выпил, бесцельно пролистал, раскрыв верером, пачку раритетных документов от Каммерера. В музеях их бы выставлять, глядишь – народ бы в музеи потянулся. Самому «свежему» документу почти восемьдесят лет. И зачем Каммерер мне принес их? Нет, есть, конечно, среди них такое, что даже у меня пальцы дрожали, когда читал, сверял, с ранее казавшимися банальными фактами сопоставлял. Но – только подтверждения: ожидаемые, веские, приятные тем, что предполагал я их наличие. А в принципе ничего нового, вон – «Всплеск» мой перечитайте... Сам вот недавно пробежал его. Да-а, что-то многовато там тупой восторженности, гордой раздутости от иллюзии осведомленности своей... Впрочем, раз Каммерер сам не поставил никакой задачи – значит, не нужно ему пока конкретное суждение, надо обговорить тему. А что обговаривать? Всё и так

ясно – истекает срок секретности по операции «Зеркало», и это почему-то волнует старика Каммерера. Он что, хочет как-то препятствовать открытию этих материалов? Бред... Прежде всего потому, что это невозможно – тут прямой закон, обойти который ни при каких обстоятельствах невозможно. «Ни при каких обстоятельствах...», – повторил я про себя и улыбнулся. А потом, для чего это, собственно, может требоваться Каммереру? Ума не приложу... Подождать, что он сам скажет; может просто хочет привести материалы в порядок, опись составить... Кстати, вот опись бы мне не помешала – это мысль хорошая. А Каммерер скоро появится, что-то на этой неделе его не было слышно. И когда появится он, наш новый Сикорски – я опять улыбнулся – скажу ему, что ничего нового во всем этом – я похлопал по кипе листов на столе – нет. И не было, и быть не могло... Хотя, быть-то могло, и очень может статься, что было... Но! Но из того, что я за всю свою сознательную жизнь узнал по данному вопросу, следует только один железный вывод. Железобетонный: нету у нас доказательств присутствия и деятельности за последний век Странников ни на Земле, ни на Периферии! Ну, нет и всё. Хоть режьте вы меня, хоть ещё что... Как не хотел бы сам я, между прочим, в это верить. Не видел я их, не нашел, не показал мне их ни Каммерер, ни кто-то другой. Да – косвенных доказательств полно, да – сопоставляя множество разнообразнейших фактов, можно при желании построить версию, прекрасно всё объясняющую... Но, опять

же – версию и при желании.

Я перелил остатки вина в стакан, отпил. Сказал себе: или Каммерер чего-то мне всё это время не договаривал, или... А что «или»? Нет никаких приемлемых «или». Не выжил ведь старик из ума? Нет, не выжил. Да и не старик совсем. Вон, Сикорски покойный постарше был...

Так что же я скажу Каммереру? – с тоской подумал я в очередной раз. Скажу, что ничего нового я в его манускриптах не увидел (как будто бы мог!). Скажу, что предположение выдвинуть можно, если соскучились по всеобщему зубоскальству, а то и по простым оскорблениям. Горбовский же это, кажется, выдал: «Странниками, как и промыслом божьим, что угодно объяснить можно». Предположение, естественно, хорошее, крепкое, совсем даже не из пальца высосанное, хорошо всё объясняющее, да и мне лично симпатичное. Вот только я выдвину его, а еще кто-нибудь – другое, но также хорошо всё объясняющее. А кто-то третий напридумывает десяток отдельных объяснений для десятка отдельных случаев или групп случаев. И будет прав. В том смысле прав, что его версии, как версия второго, как моя версия, будут хороши, логичны, но ни подтвердить их окончательно, ни опровергнуть будет невозможно.

Про Горбовского я подумал, потому что взглянул на его портрет на двери кабинета. Я его давно храню, не помню уже, как он появился у меня, и везде таскаю с собой по таким вот кабинетам, где работаю над моими любимыми Странника-

ми. Это даже и портретом назвать нельзя – старая черно-белая копия с какой-то репродукции. Подозреваю даже, что с картины какой-то, а не фотографии. Леонид Андреевич, точнее только голова его, запечатлен как-бы в движении, в порыве что-ли. И взгляд его, только что устремленный куда-то в даль, за горизонты куда-то, скользя, спотыкается на зрителе и зарождается в нём такое недоумение: мол, а ты-то чего тут делаешь, чего торчишь, чего пялишься? Люблю я этот портрет, обожаю... А вот с сами Горбовским я и не встречался никогда. Впрочем, может и хорошо – язвительный, говорят, был старикашка. Но вот гонялся он за Странниками ещё лет сто двадцать назад – погонялся-погонялся, да и бросил. Повзрослел, сам говорил, помудрел. Потом Комов гонялся. А уж Сикорски с Каммерером как гонялись – любо-дорого вспомнить! Лихо, со свистом, со стрельбою... С играми шпионскими. Люденев вот выловили. Ну, как решили считать... Вернее, это уже Каммерер один выловил. На Тойво. Кстати, люденевы, будем так их называть, ничего нам о Странниках не сообщили. То есть вообще ничего. Не упоминали об. Это отметили, но никого это уже ни на какие размышления не сподвигло. Не хотел никто тогда уже ни о чём эдаком размышлять. И, кстати, в той истории с Абалкиным далеко не все так просто... И что обидно – не узнаешь ведь уже, что-то там было на самом деле! И не скрывает этого ни Каммерер, ни ещё кто другой. Сикорски все с собой унес.

Но какие ведь времена были! – мысленно вздохнул я. Сле-

допыты... ГСП... Странники всё те же, будь они не ладны. Контакты первые, галактическая дипломатия, галактическое сообщество, прогрессорство... Галактическая империя земной нации... Весело было, впереди дорога была, смысл был. Придуманый – да! Поиски Странников! Уже тогда – всегда – умные люди над этим посмеивались. Чем бы дитя не тешилось... Но ведь мы на этих поисках полгалактики проехали, пока остановились. Пока не нахлебались контактов, прогрессорства, кризисов дипломатических и всяких других разных, фобий, синдромов... Потом в Большое Откровение въехали, да так остановились с разинутым ртом и моргающими глазами, недоумевая: «где это мы?», «кто здесь?»

Вот рассуждаю я так, завидую, что не довелось мне в те времена прожить, а родился я лет на сто пораньше – ещё не известно, увлекало бы меня все это или нет. Я ведь и в прогрессоры пошел из-за влюбленности в те, уже прошедшие, времена, из-за романтизма их, который сам себе в голову и вбил. А тогда только начиналось прогрессорство, ловля Странников... Сидел бы себе где-нибудь в лесах, лесником каким-нибудь или библиотекарем, архивариусом... Вот в музее этом экспонаты с полки на полку переставлял бы. Кстати, когда он открыт был? Лет сто ему-то есть. Вот с Глумовой бы знакомства водил... Красивая была. Да-а... «Посидим немного тупо глядя на свои руки, как Майя Тойвовна», или: «Ну, что сидишь, как Глумова?» Это ходили в КОМКОНе-2 на закате его деятельности такие шуточки. Восходило все к эпическо-

му «делу Абалкина», к сцене первого знакомства тогда ещё молодого и чертовски энергичного Биг-Бака с Глумовой всё в этом же музее. Когда он под личиной туповатого журналиста вваливается к ней в кабинет на предмет поиска Абалкина, а она, в полной прострации после ночи с этим самым Абалкиным, сидит, положив руки на стол, и то ли куда-то в никуда таращится, то ли на свои руки, и совершенно не понимает, чего от неё хотят, а потом рыдает у него не груди. Наверное, тогда это и случилось, потому что, если нашего Каммерера цепляет что-то по-настоящему, то или цепляет сразу с самого первого начала, или уж не цепляет никогда. Но там события понесли, и уже через несколько дней Абалкина пристрелили на глазах у Глумовой в присутствии Каммерера со всеми последствиями... Для неё он так, кажется, навсегда и остался персонификацией всего того ужаса. Ну а сам он после того, конечно, ничего и не предпринимал. Но вот ведь чуден мир! Её сын потом приходит работать к Каммереру, не зная ничего этого... Интересно, какие были у неё первые мысли? Кстати, откуда следует то, что Каммерер был влюблен в Глумову, никому доподлинно не известно, хотя почти все в этом были уверены. И сцена эта с журналистом и с руками, свидетелями которой могли быть только они двое – в смысле Глумова и Каммерер – тоже непонятно откуда известна. Не представляю, чтобы Каммерер, а тем более Глумова, об этом распространялись. Однако же, вот она, есть такая легенда. Которая идеально ложится на некоторые об-

щеизвестные, но сами по себе странные факты.

В общем, решил я, не буду писать никакого отчета, пусть Каммерер ставит конкретную цель. А позвоню-ка я лучше Изольде, если она вернулась уже... И тут, как часто уже бывало, не успел я об Изольде подумать, как она сама мне и позвонила. Я взял со стола тяжелую трубку дребезжавшего стационарного телефона. Похоже, при создании музея их раздали сотрудникам из тех предметов материальной культуры веземного происхождения, которые не поместились ни в экспозиции, ни в фондах. Почти такие же по виду угловатые коробки я видел на Гиганде в министерстве иностранных дел Алайской империи.

– Вандерера пригласите! – услышал я в наушнике официально-растерянный голос Изольды, как всегда, когда она звонила в какие-нибудь не знакомые места.

– Привет, – сказал я в мембрану.

– Ты где пропал? – осведомилась Изольда.

– Ну, я работаю, как-бы... – сказал я.

– Молодец! А я номер-то твой рабочий потеряла... Тащусь с корабля, с рюкзаком, одна...

– Нуль-экспрессом, – продолжил я.

– Ну, да. На чем же ещё оттуда доедешь, коли не встречает никто...

– Кстати, по моему потерянному номеру ты сейчас мне и звонишь.

– Да? А, ну да – я Вальке позвонила и...

– Понятно. До вечера чем заниматься будешь?

– Рюкзак раскидаю и спать.

– Хорошее дело. А потом?

– Ну, потом – жду. Расскажу много чего.

– Отлично. Тогда, как освобожусь – позвоню, хорошо?

– Ага, целую... Ну, давай!..

Через минуту или две до меня дошло, что я сижу с идиотской, должно быть, улыбкой и тупо таращусь на телефон. Точь-в-точь, наверное, как Майя Глумова. Ну, да что это я...

Тут телефон снова зазвонил, затрясся, так что я быстро рванул трубку.

– Добрый день, Тим, – сказал Каммерер. – Я тебя не отвлекаю?

– Здравствуйте, – сказал я, стараясь прогнать из голоса мечтательность. – Слушаю.

– Тим, мне поговорить с тобой нужно сегодня о тех материалах, что у тебя сейчас. Сможешь ко мне подойти, или мне заехать?

– Я приду. Когда?

– Подходи через час.

– Хорошо. Материалы брать?

– Да не надо, – как мне показалось, с секундной заминкой сказал Каммерер. – Пусть там пока лежат...

– Понял, буду через час.

Положив трубку, я подумал, что слишком много какой-то непонятной возни, неудобств, недоговорок вокруг этих ма-

териалов. И ведь было бы из-за чего! Однако, сам себе удивляясь, я собрал документы – несколько разнокалиберных папок – и засунул их в ящик стола. Ящик закрыл на ключ, торчавший в замке, которым и не пользовались, наверное, никогда раньше. А сам подумал: ну, да – вы уже прятали здесь детонаторы... «Сейф большего, чем обычно, размера... Доступ ограничен и контролируем» И что вышло? Безобразная сцена, танец с саблями...

Закрыв кабинет на свою личную карточку – как-никак внештатный научный сотрудник музея – я решил, что прогуляюсь и за одно где-нибудь перекушу, тем более что было уже около двух. А прогуляюсь я «маршрутом Абалкина», только в обратную сторону...

Все оказалось примерно так, как я и предполагал. Речь шла о предстоящем окончании срока секретности материалов по операции «Зеркало».

– Какие выводы можно сделать из них? – спросил Каммерер.

– Материалы разрознены, отрывочны, – сказал я. – Они подтверждают, что проводился большой комплекс мероприятий, общая цель которых – предположительно, так как планов и приказов на развертывание с указанием цели нет – проверка готовности существовавших на тот период институтов и служб к отражению активного вторжения инопланетных сил в сферу интересов Земли.

– Я это знаю, – сказал Каммерер.

– Размах и количество мероприятий, – продолжил я, – позволяют говорить, что отношение к поставленным задачам, какие бы они ни были в действительности, являлось самым серьезным, то есть для организаторов мероприятий они представлялись жизненно-необходимыми. Далее, как я говорил, да и вы знаете – полностью отсутствуют документы, иницирующие эти мероприятия, а также ссылки на эти документы. Перед нами – отчеты о выполнении и частные, не подвергнутые анализу, технические итоги мероприятий. Создается впечатление, что единственным смыслом являлся сам факт проведения этого комплекса... мероприятий, известных под названием «операция «Зеркало». Однозначно то, что операция была проведена спонтанно, а получения выводов, кстати лежащих на поверхности, и принятия на их основе необходимых решений и планов на будущее, как будто никому и не требовалось.

– Что можно сказать о характере проведения самих мероприятий?

– Они – по сути являвшиеся тренировками, учениями – проводились... в обстановке, приближенной к боевым условиям, что-ли... Это совершенно четкое впечатление. Как если бы объявили учебную тревогу без всякой подготовки. Или... – я сделал паузу.

Каммерер молчал, смотрел на меня.

– Или, как если бы тревога была не учебная.

– А какая? – спросил Каммерер.

– Я говорю о впечатлениях, – сказал я и продолжил с вопросительной интонацией: – И если нет никаких других документов, первоисточников... То сделать однозначного вывода нельзя.

– Других документов действительно нет, – сказал Каммерер и, пожав плечами, добавил: – По крайней мере, у меня; и я не слышал об их существовании.

– Ну а воспоминания? – я уже чуть было не взмолился. – Я имею в виду самих руководителей, тех, кто инициировал мероприятия, кто знал причины...

– Воспоминаний таких нет.

– Почему?

– Не знаю.

– Но, ведь кто-то из них еще жив, наверное?

– Вероятно, нет. Да я и не знаю, кто конкретно принимал решения.

– Знаете, Максим, – сказал я, – вы чего-то не договариваете. Вы видите, что даже разговора у нас не получается.

– Вижу, – как-то очень спокойно сказал Каммерер. – Скажите, Тим, при опубликовании этих документов, при их доступности для свободного анализа, может быть сделан вывод о каком-либо присутствии Странников в тех событиях?

Признаться, смысла вопроса я не понял, хотя и ждал упоминания о Странниках.

– Предположения, – я выделил это слово, – всегда мож-

но делать любые. А тут уж сам бог велел. Вы знаете мое отношение к данной теме. Я бы сделал такое предположение: операция «Зеркало» была каким-то, если не паническим, то рефлекторным, но никак не спланированным... отражением – я криво улыбнулся – спонтанной атаки, агрессии... Нет, не так... Соприкосновения с некой силой галактического масштаба, условно назовем которую Странниками... Так вот, если и не отражением, то это была сначала реакция на соприкосновение, шок..., а потом – деятельность по сокрытию самого факта такого соприкосновения.

Я перевел дух и поспешил добавить:

– Но это именно предположение и именно мое. Фактов, повторяю – фактов, подтверждающих это, я не нашел никаких. Не нашел не только в этих документах, но и вообще за все время, что я этим интересуюсь. Таким образом, предложена и озвучена, – мне показалось, что я наконец уловил суть вопроса Каммерера, – может быть и такая версия. Практически со стопроцентной вероятностью.

– Сначала шок, а потом – сокрытие? – спросил Каммерер.

– Мне кажется, да, – сказал я и назвал конкретные обстоятельства, почему мне так кажется.

– Да, верно, – сказал Каммерер и прошелся по тем же обстоятельствам немного под другим углом. Получалось, что он изучал все эти материалы, размышлял над ними, вообще над многими событиями того времени и последующих времен.

– Тим, – заговорил он после недолгой паузы, – я нахожусь

в немного затруднительном положении. То, что я скажу, я никак не могу подтвердить, это не мои предположения, и я не уверен в истинности этой информации. Это информация, передана мне уже давно одним из тех инициаторов мероприятий, о ком вы говорили. Его уже нет в живых. Суть такая, что в ходе операции «Зеркало» имел место контакт со Странниками. Было что-то вроде переговоров и соглашения. Суть соглашения – обеспечить сокрытие самого факта контакта. То есть мы, земляне приняли такое обязательство и должны его исполнять. Почему – я не знаю. Это все, что мне сообщили. Это было передано мне в виде не подлежащего обсуждению приказа. Понимаю, звучит это все дико, – он замолчал.

– Ну, так я вам то же самое и сказал, – сказал я. Почему-то радости от подтверждения своих измышлений я не почувствовал, как и удивления.

– Короче говоря, я не знаю, что мне теперь делать, – сказал Каммерер. – Именно теперь, – продолжил он, предвосхищая мой вопрос, – потому, что публикация материалов по «Зеркалу» вызовет... может вызвать всплеск интереса к данной теме. Будет высказано предположение о том, что был контакт со Странниками. Начнутся какие-нибудь поиски. А я не уверен, что в действительности нет никаких подтверждений, фактов, документов. Предположим – они есть. И предположим, что соглашение со Странниками имело место. При этом, условий соглашения я не знаю. Получается, что соглашение может казаться нарушенным с нашей стороны, а ка-

кие могут быть последствия – не известно. Я не думаю, что речь может идти о какой-то угрозе, но ситуация совершенно не ясная. В этих обстоятельствах я бы не хотел, чтобы тема Странников снова стала предметом общественного обсуждения. Нам надо самим искать подтверждения, опровержения – хоть какую-то дополнительную информацию. По крайней мере для себя составить представление обо всем этом, чтобы было, чем руководствоваться... И ведь я понимаю, что все это – мои страхи, реального подтверждения которым я не вижу... В общем, что делать – я пока не знаю.

– Ну, а как можно не допустить рассекречивания? – спросил я.

– Убеждать Мировой Совет.

– Рассказав, что был контакт?

Каммерер невесело улыбнулся, пристально глядя мне в глаза.

– Это всё равно, что объявить про контакт по всемирному вещанию, – сказал он.

– Да, верно, – согласился я.

– Я, кажется, только теперь понимаю, что должен был чувствовать Сикорски, – сказал Каммерер.

– От меня что-нибудь требуется? – поспешно спросил я, чтобы скрыть почудившуюся мне неловкость.

– Ты составлял какой-нибудь текст, обзор того, о чем сейчас говорил? Ну, из чего ты сделал вывод о том, что... было соприкосновение.

– Нет еще.

– Сформулируй тогда, опиши подробно, с обоснованиями. Потом дай мне посмотреть. Материалы пусть пока у тебя остаются. В музее.

– Хорошо. Как срочно?

– Недели тебе хватит?

– Да меньше даже. Как закончу, я сообщу.

– Договорились, буду ждать.

БВИ, терминал «Мировой совет», раздел «административные структуры»

Запрос: «Чрезвычайный комитет».

Ответ (фрагмент): «*Чрезвычайный комитет Мирового совета (ЧК МС)* – исполнительная служба, ответственная за прогнозирование, предотвращение, ликвидацию чрезвычайных ситуаций. Возглавляется Председателем (в наст. вр. *Каммерер М.*, с 2207г.), который имеет статус члена *Президиума МС*. Подчиняется непосредственно *Председателю МС*. Создан при реорганизации структуры МС в 2207г. Кроме того, на ЧК МС возложена часть функций, осуществлявшихся до ликвидации *Комиссией по контролю (КОМКОН-2)* и *Советом Галактической Безопасности (СГБ)*...» (конец фрагмента).

12.12.2235г. Координационный штаб прогрессорских операций

Стенограмма совещания у руководителя сектора «Гиганда»

«Присутствовали: Яшмаа – руководитель сектора, Комов – от Комиссии по контактам, Сидоров – от Президиума Мирового совета, председатель ЧК МС Каммерер, Серосовин – помощник Каммерера, сотрудники оперативного и аналитического отделов штаба, операторы, секретари.

Яшмаа. У нас есть даже не несколько дней, а несколько часов, чтобы попытаться обеспечить исполнение всей нашей стратегии на Гиганде. Именно несколько часов, чтобы принять принципиальное решение и не более трех-пяти дней, чтобы его реализовать. Сейчас в войне сложилось уникальное положение, это – критическая точка, точка бифуркации, как ещё говорят. То есть сейчас возможно, предприняв определенные действия, кардинально изменить даже не ход войны, а само направление развития цивилизации на Гиганде. Сейчас в войне создается как-бы равновесие, но время работает не на алайцев, потому что они находятся на пике воз-

возможного развития и концентрации, напряжения сил. Конфедерация, напротив, вступив в фактически инициированную ею войну не подготовленной, постепенно всё же оправляется от первоначального шока и наращивает силы. Пока это почти не заметно, но на них будет работать их развитая промышленность, не пострадавшая в прошлую войну, и ресурсы, которые, в отличие от Алайской Империи, находятся у них дома. И когда именно это промышленное и ресурсное превосходство начнет проявляться – процесс уже будет ничем не остановить, их победа будет только вопросом времени. А поскольку объектом нашей стратегии является Империя, то победа Конфедерации отбросит все наши наработки на Гиганде к периоду наблюдения, я уж не говорю о том, что рухнет именно стратегия «цивилизационного подъема», которую мы впервые осуществляем на практике. С тем же типом цивилизации, который формируется в Конфедерации, нам придется работать, боюсь, не один десяток лет. Что-то подобное было у нас на Земле перед объединением. Но это были изначально малые в масштабе планеты, изолированные социумы, заключенные обычно в свои государственные границы – и то нам пришлось с ними повозиться. А тут Конфедерация, в случае её победы, распространит прямо или косвенно свое влияние, свой менталитет, культуру на всю планету. И, конечно же, военная победа Конфедерации будет выражена в форме, во-первых, оккупации Алайской империи, а во-вторых – в ассимилировании ее в культурно-ментальном

плане. Хорошо ещё, если не будет просто геноцида.

Сидоров. Позвольте, Корней Янович. Вы как-то очень уж демонизируете эту Конфедерацию. Я в ваших делах не специалист, и мне просто хотелось бы понять... Ведь Конфедерация – это... как там название... олигархическая республика, буржуазная республика... демократия низшего порядка, но ведь – демократия, последний этап перед социалистической стратой развития; и там, как я слышал, как раз есть зачатки социализма, оппозиция... А эта ваша Империя – это же феодализм, диктатура. И как-будто они при своей победе не будут наводить террор в Конфедерации?..

Яшмаа. Вот те самые зачатки социализма в Конфедерации, в случае её победы, первым делом и будут выполоты. С такими корнями выдрут, что... У оппозиции, той оппозиции, никаких шансов там сейчас нет, кроме как на гражданскую войну, чтобы не скатиться к которой, олигархия ввязалась в войну внешнюю... Причем, молодцы, я просто любовался – так ввязались, как-будто они во всей Вселенной меньше всего этого хотели. И уже сейчас там общественно-политическая ситуация совершенно не такая, как даже полгода назад, а тем более – года три-четыре назад, когда действительно можно было рассматривать возможность революции. А по поводу феодализма... В Алайской Империи буржуазно-демократическая революция была про... произошла больше полувека назад, и не феодализм там, а парламентаризм, причем схема более прогрессивная, чем в Конфедерации.

рации. Да и в силу специфических этнокультурных условий переход алайской цивилизации в социалистическую страту в обозримом будущем более прогнозируем – на порядки более – чем для того типа цивилизации, который развивается в Конфедерации. (Пауза) Я, конечно, извиняюсь, Михаил Альбертович, Геннадий Юрьевич... но я напоминаю, что мы собрались для рассмотрения экстренного, конкретного вопроса, для принятия принципиального решения, необходимого в ходе реализации общей стратегии, утвержденной и осуществляемой нами на Гиганде уже несколько лет. Сейчас не вижу смысла возвращаться к теоретическим выкладкам и терминологии, так как счет времени действительно идет на часы. Мы не предполагали, что сложится настолько удачная ситуация, поэтому и не предоставляли ранее для... обсуждения свои наработки на подобные случаи. Но сейчас надо решать. Если нам удастся осуществить план, который только что был изложен нашими товарищами из оперативного отдела..., то мы существенно продвинемся в достижении наших целей – сразу на несколько лет, это минимум, если не на десятки лет.

Комов. Да, Атос, как я тебе уже говорил, данный план предложен в рамках общей, утвержденной коллегией Большого... хм.. КОМКОНа программы по Гиганде. Материалы с обзором местной ситуации и анализом предложенного плана я тебе передал. Да, нужно время для ознакомления с ними, но они, естественно, полностью согласованы с программой.

Срочность нашего... собрания вызвана действительно уникальным развитием событий... там. Тем более, что подобные операции ранее... ну, после всем известных событий, не проводились. По крайней мере, давно уже, в новых условиях не проводились. Верно я говорю?

Каммерер. В новых условиях – да. Лет семьдесят назад, по крайней мере, на Саракше такие операции были обычные, рутинные, я бы даже сказал. Хоть и не такого масштаба, конечно. Но, по сути... И половину Президиума Мирового совета для этого собирать не приходилось... Если речь идет о санкционировании, то я несколько затрудняюсь – требуется ли оно от нас? Если я верно понимаю, наша милая компания не правомочна давать указания прогрессорам. Подобные операции должны... нас должны уведомлять об их планировании, а мы можем ставить какие-то вопросы в случае, если операция идет в разрез с осуществляемой программой. В данном случае этого нет. Опять же, насколько понимаю, предложенный план составлен и будет реализовываться в рамках существующих процедур, где имеются все механизмы оценки и контроля. Хотя, спасибо, что пригласили. Интересно.

Яшмаа. Ну, вот в принципе Максим и за меня ответил. Мне добавить нечего, кроме того, что время уходит. Если нет возражений, предлагаю высказаться и закончить совещание. И еще по поводу алайского террора – они физически не могут не то, что оккупировать Конфедерацию, но даже

удерживать сколько-нибудь значительные ее территории. А вот Конфедерация, в случае чего, не остановиться до самого конца. У меня все.

Сидоров. То есть, по крайней мере, в случае даже неудачи вашего плана ситуация... шансы на победу сторон уравниваются, и потенциально слабейшая сторона получает шанс не быть уничтоженной...

(в стенограмме лагуна: 17 минут 02 секунды)

Комов. ...да, защита включена с самого начала. Что у нас сегодня?... Вылетело все как-то из головы с этими адмиралами, флотами-штабами...

Каммерер (усмехаясь). Нам, наконец, тоже надо принципиальное решение принимать... И времени у нас тоже мало... Да, прямо дежа-вю какое-то! В общем, все давно обговорено на много раз, давайте решать. Первое – сообщаем ли мы Совету о том, что контакт был? Я считаю – не следует. Основания прежние.

Комов. Я согласен.

Сидоров. Мы, ребята, на нашкодивших школьников похожи. Помнишь, Генка, когда аквариум на втором этаже разгрохали? Тоже ведь могли промолчать...

Комов. Нет, тогда не могли. Да и не та сейчас ситуация.

Сидоров. Да всё та.... А тогда действительно не могли. Ну, ладно, не будем спорить. Просто я хочу сказать, что нам на-

до понять, чем мы руководствуемся: или просто нежеланием создавать проблемы, разрешением которых нам самим и придется заниматься, или – все-таки мы уже начинаем всерьез над этими проблемами работать?

Комов. Атос, ты это серьезно?

Сидоров. Я-то серьезно... Ладно – к делу. Я за предложение Максима... э-э...

Комов. Вот и отлично! К тому же, хорошо мы будем выглядеть, если окажется, что никакого контакта не было!

Каммерер. Ну, мы уже говорил по это... Второе. Будем ли мы добиваться продления срока секретности материалов по «Зеркалу»? Ну, моя позиция ясна... Тем более, учитывая тот предварительный анализ, о котором я говорил.

Сидоров. Да, увидел один – увидят остальные. Согласен.

Комов. Я тоже. Хотя, пока опубликуют, пока прочитают... Ну, выскажет кто-нибудь свои частные предположения – и что? Очередная вариация затасканного мифа.

Сидоров. Мы и об этом говорили.

Комов. Я к тому, что, если вдруг что-то пойдет не так, если независимо от нас начнет выясняться что-то новое... А тут окажется, что мы уже давно были в курсе...

Сидоров. Ну вот – про аквариум...

Комов. Да ладно тебе! Я же сказал, что согласен. Сами будем искать; не может быть, чтобы ничего больше не было. Черт, ну почему всегда нет времени?! Максим, почему вы не поднимали эту тему раньше?

Сидоров. Он же был уверен, что мы – в курсе. Да мы и были в курсе...

Комов. Но только не про соглашения. (Пауза.) Ладно, тогда, Максим, вам нужно будет составить обоснование в виде доклада для Совета. Наверное, от имени вашей комиссии, то есть комитета... Да?

Каммерер. Да, конечно. Вас интересуют подробности, или детали мне додумать самому?

Комов. Детали додумайте сами».

(Конец стенограммы.)

«Верховное командование Алайской Империи, планируя захват острова [...] и других островов в центральной части Великого океана, выдвинуло идею совместить выполнение этой операции с уничтожением в генеральном сражении флота Конфедерации для удержания господства алайского флота в Великом океане. В директиве начальника штаба Соединенного флота адмирала [...] от ... г. (22 июля 2235г. в земном летоисчислении) указывалось: “Соединенный флот захватывает острова [...], [...], [...]. Силы, предназначенные для решающего сражения, вступают в бой с флотом Конфедерации и уничтожают его.”» (История войн Гиганды. Т.5. – Изд-во Института Экспериментальной Истории, М., 2241. С. 391.)

15.12.2235г. Музей; Координационный штаб

В половине третьего, когда я работал над докладом, составление которого мне поручил Каммерер, позвонил Корней Яшмаа.

– Добрый день, Тим! Я тебя не отвлекаю?

Я поздоровался и сказал, что нет. Мысли мои были все в докладе, поэтому я не удивился звонку.

– Тим, ты сейчас занят, сильно? – спросил Корней. И вот эти его слова меня уже смутили. Дело в том, что мы не разговаривали с самого моего возвращения с Гиганды, которое состоялось без моего на то желания и не без участия Корнея. И, не дав мне ответить, он спросил еще: – Ты, вообще, где сейчас?

– В музее, – сказал я.

– В каком музее? – переспросил Корней.

– Ну в этом..., – я сделал паузу, как будто припоминая название, – внеземных культур.

– А! – сказал Корней, и я с каким-то идиотским удовольствием расслышал ожидаемое мною легкое удивление. Или захотел расслышать. Дурость, конечно, это все...

Не знаю, почему, но после убийства Абалкина, ни один

прогрессор – ни действующий, ни в отставке – никогда не заходил в Музей внеземных культур на площади Звезды в городе Свердловске. Это совершенно точный, общеизвестный факт. Мне это всегда казалось простой профессиональной солидарностью. Характеризующим жестом, который делают из принципа, не имея возможности иных действий. Но до смешного доходило: прогрессоры вместо себя гоняли практикантов из КОМКОНа и Института экспериментальной истории в музей за необходимыми материалами, которые, кстати, после того случая стали все-таки выдавать на руки для работы на определенное время. Ссылаясь не болезни, отправляли кристаллозаписи своих лекций, если в музее проводилась какая-нибудь конференция, лишь бы не приходиться самим. Сам я несколько раз видел, как молодые мои, теперь уже бывшие, коллеги и даже один не очень молодой умильно-терпеливо ждали в скверике перед входом своих возлюбленных, которым – вот ведь незадача! – приспичило заглянуть в этот распроклятый музей: по работе ли, по своему ли природному любопытству или просто – с подружкой поболтать. И рассказывали даже мне, но я думаю – это уже выдумка, как у одного курсанта-прогрессора, перед отправкой на первое самостоятельное задание на Саракш, случился психологический спазм, когда узнал он, что подружка его, с которой он познакомился за несколько дней до, и которая обещала ждать его возвращения, работает в этом самом музее, правда не в секторе предметов невыясненного назначе-

ния – это был бы уже перебор – а всего лишь заместителем директора по работе с общественностью.

– Тим, у нас на Гиганде ситуация, – сказал Корней и замолчал. Мне показалось, что надолго, но он уже продолжал: – Мне может потребоваться твоя консультация, это срочно. Мне нужно, чтобы ты приехал прямо сейчас.

– Хорошо, еду, – сказал я. – Куда?

– Да в операционный центр.

Ого, подумал я. Неужели в обожаемой Корнеем славной Алайской империи снова стряслась какая-нибудь революция – или реставрация? – и снова в первую очередь режут всех прогрессоров?

– Тим, – сказал Корней, кода я уже собирался отключаться, – будь на связи, я тебя пока введу в курс дела, а то времени очень мало...

Да, что же вам всем времени-то не хватает?! – подумал я и стал на бегу, а потом и на лету слушать. Корней, как всегда кратко, но доходчиво рассказал забавные вещи.

То, что полгода назад на Гиганде началась большая война, я, конечно, знал и по мере возможности следил за её ходом. Алайская империя, едва отойдя от последствий второй за полвека революции, сопровождавшейся, естественно – как без этого! – обильными кровопусканиями, схватилась с бандитско-буржуйской Конфедерацией. Схватилась теперь уже за мировое господство – не больше, не меньше. Это вам не устье Тары на кону, за это, конечно, и повоевать можно.

Кстати, империя Алайская мне симпатична, и дело совсем не в том, что я там работал – наоборот, многие прогрессоры терпеть ненавидят свои «ареалы обитания». Так вот, империя, а точнее с большой буквы – Империя, причем именно Алайская Империя, чтобы не путали со Старой империей... Так вот, империя эта, а прежде Алайское герцогство, за последние лет шестьдесят показали всей Гиганде, да и нам на Земле, такие темпы развития, такие социально-политические изменения, что я, как человек во всем этом чуть-чуть понимающий, просто зауважал их. То, что развитие сопровождалось войнами – ну, да сопровождалось... Так ведь на каком уровне они там находятся – Земля, двадцатый век. Жуткое время, сумерки богов. Но войны эти, заметим, по большому счету, в конечном своем результате приводили к такой ситуации, которой до войны не было, а было хуже, много хуже, однозначно хуже... И, кстати, это оказалась не заслуга прогрессоров, как у нас принято считать. Конечно, наше влияние сыграло какую-то роль, но сами прогрессоры честно признают, что «эволюция алайской цивилизации», как они это теперь называют, – вещь уникальная, местная, и если они и приложили к этому руку, то сами очень хотели бы знать – как именно. Забавная ситуация получается. Общественность искренне считает взлет алайской цивилизации наконец-то случившимся видимым результатом деятельности прогрессоров и готова уже милостиво признать их право на существование, как полезных членов общества, заня-

тых трудной, но важной работой, а не просто бандой убийц. А прогрессоры, в свою очередь устав объяснять, что такие результаты их работы и в таком масштабе по определению не могут проявиться так быстро, с мужественно-сдержанным видом принимают якобы заслуженную, хоть и запоздавшую, похвалу. А сами лихорадочно пытаются понять, что же на самом деле происходит на Гиганде, и, если не контролировать эту «эволюцию», то хоть наблюдать ее изнутри.

Сейчас там завязывается морское сражение, которое может решить исход войны. И если в этом сражении победят алайцы, то возникнет такая ситуация, которая очень нужна нашим прогрессорам. Как я понял, даже вне зависимости от последующего исхода войны. А уж если алайцы и войну смогут закончить с приемлемым для себя результатом – это будет для прогрессоров просто счастье, потому что это каким-то там образом само собой подтолкнет развитие цивилизации в том направлении, которое нужно прогрессорам, причем прогрессоры угробили бы на это десятки лет работы. Беда только в том, что, как обычно, все пошло совсем не так, как планировалось. Планировалось алайцами, в данном случае. И теперь прогрессоры, причем отсюда с Земли, хотят попробовать как-то исправить положение! Каким образом можно с Земли выиграть сражение на Гиганде, я не знал. Нет таких способов; ну, кроме, конечно, прямого ядерного удара с орбиты.

Я приехал в координационный штаб, прошел в операци-

онный центр сектора «Гиганда», где операторы усадили меня в одну из рабочих капсул, стоящих по периметру зала, и стали настраивать систему. В это время подошел Корней. Давно я его таким не видел. Я его вообще давно не видел, но таким – и подавно. Мне только взглянуть на него стоило, чтобы убедиться – ситуация действительно серьезная, судьбоносная, даже, но при этом Корней ужасно рад этой ситуации, что она ему представилась, что он имеет возможность и счастье крутить ее туда-сюда, планировать, разрешать...

– Вводную тебе уже дали? – спросил Корней.

– Дали. Как можно было здесь упустить выход флота Конфедерации? – спросил я, понимая, что вопрос, конечно, риторический. Раз упустили, значит были тому объективные причины. – Ладно, они там у себя... – я имел в виду алайцев. Тоже мне, императорский флот! Такой провал в разведке...

– Тут, скорее, надо спрашивать, как мы здесь вообще допустили выход их флота именно теперь... – задумчиво проговорил Корней. – Да и увидели бы мы, что флот выходит – и что? Мне следовало позвонить на борт «Гепарда», попросить к аппарату адмирала, представиться, сказать: мы тут с орбиты видим, что флот Конфедерации вышел с базы, так принимайте меры! Так, что ли? – Потом он тряхнул головой и продолжил уже своим обычным решительным тоном: – Система операционного слежения уже работает, мы подключим тебя к ней. Наш резидент находится на флагманском авианосце, он там начальником штаба...

– Сергей? – спросил я, обрадовавшись.

– Да – Перелыгин... Так вот, тебе будет поступать вся имеющаяся у нас информация по маневрированию сторон, то есть: алайский флот, включая авианосную ударную группу и основные линейные силы, флот конфедерации – два оперативных авианосных соединения, ну и авиация конфедератов на острове. Думаю, десантные силы алайцев тебя сейчас не должны волновать – не до них, да и главная цель была выманить флот Конфедерации. Выманили... – Корней выругался по-алайски, как старый матрос. Я уважительно покивал головой.

– Десантная группа может отвлечь на себя какие-нибудь силы?

– В принципе – только авиацию с острова, но, думаю, им тоже будет не до десанта, – Корней усмехнулся. – Нет, не забивай этим голову, они ещё далеко от острова. Когда конфедераты начнут поднимать самолеты – с острова или с кораблей – это будет значить, что алайский авианосный флот ими обнаружен.

– То есть, у нас нет там людей? – догадался я. Вот почему такой ажиотаж. Но, что же это за планирование операций такое?! И они, в смысле – прогрессоры, хотят выиграть мировую войну! Смело... Штурм и натиск, как сказал бы Бадер.

– Мы не успели никого ввести, – как-бы даже оправдываясь сказал Корней. – Мы алайцев-то едва контролируем...

– При необходимости ты через координаторов сможешь

выходить на прямую связь с Сергеем, – продолжил Корней. – Сам понимаешь, он там не может действовать в открытую, зная о нахождении флота Конфедерации. Он не сможет сказать адмиралу: «Ваше превосходительство, флот противника находится там-то, мы обнаружены тогда-то и будем атакованы базовой авиацией во столько-то, а палубной – во столько...»

– Я понимаю, – сказал я.

– Ему поступает вся та же информация, что и тебе. Основная его связь – с нашим координаторами, – Корней мотнул головой в сторону прозрачной стены, делившей зал напополам за которой стояла соединенная установка на несколько капсул.

– Сможешь уточнять что-то у него, если будет необходимо, предлагай по возможности что-нибудь... Но сначала проговаривай это с координаторами. Подробности по ходу операции, технические вопросы – по дополнительному каналу...

– Да, хорошо. Я все понимаю, помню... Что у алайцев с авиационной разведкой?

– Самолеты вылетели, – Корней поднял глаза на пояс экранов на стенах зала над капсулами, – пока алайцы флот конфедератов не обнаружили.

– Они хоть там ищут, где надо?

– Так, все – залазь и работай! – скомандовал Корней, хлопнул меня по плечу и пошел на другую половину зала. – Я

буду на канале координаторов.

Я залез в капсулу и «включился». Теперь у меня перед глазами была полусфера экрана-карты, где в реальном времени отмечались нахождение и перемещение сил противников. Усилием воли или шевелением пальцев можно было укрупнить любой участок вплоть до визуальной картинки. Ударный авианосец «Гепард», вид сверху: на палубе самолетики, матросики... Эсминец охранения дымит трубой... Остров..., солдатик морской пехоты Конфедерации пялиться, задрав голову в зенит... А там мы – вроде как боги войны...

У нас был канал прямой ментальной нуль-связи между координаторами здесь, на Земле и резидентом там, на «Гепарде». Кажется, такая связь впервые использовалась непосредственно при проведении прогрессорской операции. После того, как был создан ментальный транслятор, так называемые «костыли ридера», любые люди независимо от своих ридерских способностей могли общаться посредством телепатии. «Громкость» связи я пока приглушил, все равно ничего особенного ещё не происходило – с наших авианосцев около получаса назад начали взлетать бомбардировщики. Через пятнадцать минут они построились и взяли курс на остров – штурмовать аэродром, позиции морской пехоты, что-нибудь ещё, что попадетсЯ... Хотя, что там есть-то? Пара ангаров, пара сараев. Я не сразу заметил, что подумал «наши» про алайские авианосцы – хотя, так ведь оно сейчас и

было... Координаторы не донимали Сергея лишней информацией, а он их – вопросами. То, что ему необходимо было знать, он уже знал. А было это... Я взял на экране общий план. А было это: два оперативных авианосных соединения Конфедерации – три авианосца с кораблями обеспечения – в аккурат на север от острова и, значит, прямо на левом фланге алайского флота...

Было немного жутко видеть это и понимать, что они все там внизу ничего этого ещё не знают. То есть конфедераты не знают точно, где алайский флот, хотя они, как видно, целенаправленно вышли его встречать; а алайцы даже не то что не знают, у них, если я правильно понял Корнея, и в предположениях нет, что у них под боком, уже практически на расстоянии удара находятся вражеские авианосцы. И фактически там внизу сейчас идет неосознаваемая, а значит неконтролируемая гонка за время. Кто первым обнаружит врага, кто первым сможет нанести удар. И первое ещё не гарантирует второго.

Я посмотрел на зоны нахождения разведывательных самолетов противников. Патрульные самолеты с острова уже могли видеть атакующие алайские бомбардировщики, но пока ни радиоперехват, ни активность на острове об этом не говорили. Алайские же гидросамолеты пока далеко не дотягивались до соединения Конфедерации. Очень далеко. И не было никакой пользы от того, что один человек в алайском ударе соединения знал о том, что под боком находятся вра-

жеские авианосцы, что они, невидимые, начнут поднимать для удара свои самолеты самое позднее в тот момент, когда алайские бомбы посыплются на остров. Кстати, ещё вопрос – стоило ли сообщать Сергею о присутствии авианосцев Конфедерации. Предпринять дополнительные меры, сверх того, что уже должно и было предпринято на алайских кораблях для обнаружения возможного присутствия вражеского флота и отражения возможного воздушного удара, он, не вызывая ненужного к себе внимания, не мог. А вот стресс от того, что это знание у него есть, а сделать он ничего не может, для него сейчас очень даже лишний. Впрочем, нас... их и готовят для таких случаев, справится. Зато есть время продумать план действий, когда угроза все же материализуется. Да и к тому же на палубах алайских авианосцев стоит вторая волна ударных самолетов, половина от общего количества – это, наверное, предусмотрено все-таки на случай появления флота Конфедерации. Если только алайское командование не рассматривает вопрос об использовании и второй волны для удара по острову... Так – надо выяснить, чем вооружены бомбардировщики – торпедами или бомбами. Сразу выяснить я этого не успел...

Экран мигнул, и появился сигнал, что контакт установлен – самолет-разведчик конфедератов обнаружил алайские самолеты, идущие в направлении острова. Началось. Следующие несколько минут эфир был забит переговорами Сергея с координаторами. Сергей отрывчато задавал короткие во-

просы, а координаторы слишком уж, на мой взгляд, обстоятельно и эмоционально ему отвечали, чуть не перебивая друг друга и перегружая прогрессора лишней информацией. Тут в разговор вмешался Корней, прикрикнул на координаторов, и они притихли. В диалог с Сергеем я включаться пока не стал и через координатора узнал, какие боеприпасы имеет вторая волна. Оказалось – торпеды. Это было хорошо.

В это время на аэродроме острова был аврал. Сначала, меньше, чем за пять минут, в воздух поднялись истребители и направились на перехват подходивших уже алайских самолетов. Практически сразу за ними взлетели бомбардировщики. Я сказал координаторам, что нужно следить, куда они полетят, потому что нам пока не было известно, обнаружено ли место нахождения алайских авианосцев. Кто-то из координаторов подчеркнуто вежливо поблагодарил меня и напомнил, что отслеживание перемещений авиации конфедератов происходит автоматически, и следить за ними я могу таким-то способом. Он был прав, возмущаться не стоило, просто я отвык от таких операций. Важно было то, что аэродром острова остался пустым, самолеты – основная цель удара алайской палубной авиации – успели взлететь. Это нужно было не выпускать из виду, так как теперь стало ясно, что алайская операция развивается уже не по первоначальному плану.

Снова мигнул экран – мне увеличили участок, где были авианосцы Конфедерации и дали информацию, что с двух

из них начался подъем самолетов. Третий авианосец отставал миль на пятнадцать-двадцать и пока активности не проявлял, но это уже ничего не значило. Авианосцы Конфедерации, не обнаруженные алайским флотом, высылают самолеты для удара. В это время половина алайских самолетов только подлетает к острову, где встретит в воздухе истребители и ничего не найдет на земле. Вторая половина стоит на палубах и еще не известно – успеет ли подняться, прежде чем на алайские авианосцы начнется атака. Как всё неудачно получилось, подумал я. Конечно, тут, видимо, дело в разведке Конфедерации – они знали, что алайцы идут к острову и вышли на встречу, тогда как алайцы только ударом по острову собирались выманить флот Конфедерации для генерального сражения. Тут я вспомнил, что на алайских кораблях нет радаров, и у меня совсем испортилось настроение. Можно было вырубать экран и уходить. Или тупо посмотреть избивание младенцев. Я улыбнулся – хороши «младенцы»! За полгода завоевали господство над островами, архипелагами и прибрежными странами половины Великого океана своей планеты.

Надо было сообщить Сергею о вылете самолетов с вражеских авианосцев... Впрочем, это, естественно, уже сделано. Часа через два он их увидит и сам. Часа через два с половиной для алайцев все может быть кончено. Что можно сделать сейчас? Практически ничего. И дело даже не в том, что наш человек на корабле не может превратить свое знание о

вероятной катастрофе в какие-либо приказы, действия, маневры. Что можно – сделано самими алайцами, не воевать же с Конфедерацией нам ... Да – нет радаров, да – проглядели подход флота противника... Но пока еще именно алайский флот – лучший на планете. И алайская палубная авиация на порядки превосходит любого возможного противника... Надо смотреть, что будет дальше. Но что же можно сделать?.. У алайцев ещё есть все шансы. Пока самолеты конфедератов найдут алайский флот... И если вообще найдут! Вряд ли они застанут алайцев совсем уж врасплох – выслана воздушная разведка, есть боевой патруль вокруг кораблей... Есть, в конце концов, сигнальщики на мачтах. Я вдруг отчетливо представил себе... «Воронье гнездо» откуда-то из средневековья, из бригантин и галеонов, на вершине мачты флагманского «Гепарда», и в нем сигнальщик – отпетый пират с сизым носом, в засаленном платке на бритой башке, с черной жесткой бородищей до глаз, одноногий... Да – непременно одноногий, с деревянным протезом, всматривающийся в безбрежное небо над океаном. И видимость «миллион на миллион»... И вот он замечает далеко-далеко вдали несколько точек над горизонтом – торпедоносцы Конфедерации. Или пикирующие бомбардировщики, или левелеры – не важно... Он трет грязным татуированным кулаком единственный глаз, так как второй закрывает черная повязка, в какой-то безумной надежде, что – показалось... Он умом уже понимает – нет, не показалось. Вот она приближается –

смерть с какими-то белыми знаками на крыльях. И он, этот пират-сигнальщик истошно орет гортанным голосом, перегнувшись вниз из своей корзины, тыча пальцем в горизонт, туда, откуда, ещё невидимая для всех остальных внизу, приближается верная смерть... А внизу на полетной палубе его почему-то не слышат. Стоят скучающими рядами самолеты, пилоты прячутся от солнца под плоскостями, матросы поплеывают в океан...

Бред какой... Вот ведь нездоровая фантазия! Я отогнал видение, успев подумать, что его надо бы запомнить. В это время самолеты первой волны начали воздушный бой над островом и практически сразу – его штурмовку. В том, что базовые истребители конфедератов не смогут помешать алайцам, я почти не сомневался. Хорошо, сейчас первая волна расправится с истребителями морской пехоты Конфедерации и повредит кое-какие сооружения на острове. Основная масса самолетов все равно ушла. Значит... Но была цель уничтожить эти самолеты. Теперь, по-хорошему, надо хоть разбомбить взлетные полосы, чтобы ускользнувшим самолетам некуда было вернуться, чтобы авианосные самолеты конфедератов не могли использовать остров как запасной аэродром. Но тогда и сами алайцы не смогут его использовать... Интересно, какое задание на этот счет у алайских летчиков? Может и никакого, ведь планировалась внезапная атака... И сами они вряд ли примут какое-либо определенное решение. Вмешаться сейчас?

«Есть связь с первой волной?» – спросил я у Сергея через координаторов.

«Нет».

Ясно, подумал я. Нет, понятно, что сейчас в реальном времени невозможно скоординировать атаку на остров. Первая волна фактически ударила в пустоту и скоро повернет на обратный курс. Но, ведь тогда она вернется на свои авианосцы примерно в то же время, когда на них может начаться атака авиации конфедератов! А на палубах стоят самолеты второй волны! И хорошо, если они успеют подняться, чтобы хотя бы и удар конфедератов пришелся по пустым палубам... Чтобы полететь навстречу авианосцам Конфедерации... Слабоватое это было бы утешение. Размен фигур. И в этом случае первая волна почти гарантированно погибает. Садиться на авианосцы, атакуемые вражеской авиацией, невозможно. На остатках бензина истребители первой волны смогут, конечно, попытаться помешать атакующим... Как заставить алайцев поднять вторую волну сейчас? Как сориентировать? Тогда у них была бы гарантия хотя бы того же размена фигур. Инициировать сообщение об обнаружении разведчиком авианосцев Конфедерации? Интересно, есть у нашей операции какие-то границы вмешательства?

Я запросил об этом Корнея. Помолчав, он сказал, что у нас нет технической возможности послать на алайские корабли радиограмму от имени пилота самолета-разведчика. Также Корней сказал, что над самой идеей потом надо будет

поработать, спросил, где я с нею был раньше, и отключился. Странно, идея сама собой напрашивающаяся...

Снова мигнул экран – пришла информация, что от командира первой волны алайских самолетов в эфир послана радиодиаграмма о необходимости повторного удара по острову. Первая волна начинала выстраиваться для возвращения.

Я вызвал Корнея.

«Дай мне срочный... приоритетный канал с Сергеем!»

«Что ты придумал?»

Я рассказал.

«Скорее!»

«Даю».

...

«Радиодиаграмма от командира первой волны поступила?!»

«Нет. Какая?»

«Что нужен второй удар по острову. Как она должна пройти?»

«Второй удар... Черт! Что значит, как пройти?»

«Технически: как она дойдет от радиоприемника до адмирала?»

«Связисты примут, запишут, передадут мне, я – ему».

«Этой радиодиаграммы не должно быть! Понял?! Адмирал... никто не должен знать о ней! Как хочешь это сделай! Нельзя отправлять вторую волну к острову!»

«Понимаю. Иду...»

«Вторая волна должна стоять на палубах, ждать! Связи с

первой быть не должно. Вы должны успеть поднять вторую волну до удара конфедератов! Потом примете первую».

«Если успеем».

«Или, если совсем чудо, если они вас сейчас не найдут, если не будет контакта, то примете первую, выпустите вторую...»

«Понял».

Впрочем, что это за бред я тут наплел – подумал я. Какое чудо?! Как они будут знать: успевают они принять первую волну до удара конфедератов или нет? Это они узнают только постфактум, когда самолеты конфедератов выйдут в атаку. Но ведь выпустить вторую волну они просто не смогут, пока хотя бы не будут знать, что рядом вообще есть вражеские авианосцы! Оказалось, что одна идея перехватить радиограмму и тем сорвать удар второй волны по острову, ещё ничего не решала. Вот возвращается волна первая, её принимают, и её командир, между прочим удивленный, что тут никто не получал его радио, рапортует открытым текстом, вербально, что базовая авиация противника не уничтожена, аэродромы не повреждены... И тогда адмирал с чистой совестью отправляет-таки вторую волну на остров. При условии, конечно, что флот Конфедерации ещё не обнаружен. Даже если и обнаружен – будет соблазн добить всё-же сначала остров, тем более что самолеты конфедератов должны будут на него вернуться. Я же не могу попросить Сергея убить командира первой волны прежде, чем тот вступит на мостик. Да и

Корней, думаю не сможет...

Мысли всё крутились у меня в голове как-то вхолостую. Я не мог придумать никакого выигрышного решения, хода, который бы убирал все противоречия и бесповоротно переводил ситуацию в пользу алайцев. При этом я понимал: у меня нет ни достаточных знаний, ни достаточных средств для этого. Понимая, что все решается там, внизу под действием множества случайностей, их высокой концентрации и взаимодействия, я не мог заставить мысли остановиться и успокоиться, чтобы хоть тогда поймать возможное решение, подсказанное подсознанием. Если бы меня спросили, сколько прошло времени, я бы утверждал, что час прошел точно, так как субъективно намотал гораздо больше.

Но не прошло, как оказалось и тридцати минут, когда алайское авианосное соединение подверглось первой атаке. Это были базовые бомбардировщики с острова. Они не добились ни одного попадания, и половина из них была уничтожена. Однако это подкинуло мне очередную неприятную мысль. Атака базовой авиации сама по себе отлично давала понять, что эта самая авиация успела подняться с острова. Это означало, что внезапности никакой для конфедератов не было, и они, по крайней мере, знали куда лететь. Теперь алайцы просто должны были выслать вторую волну на остров.

Минут через десять появилось сообщение, что самолет-разведчик с одного из алайских авианосцев обнаружил вторую группу бомбардировщиков, идущих от острова к

флоту.

В общем пространстве обсуждения ситуации координаторами я вдруг услышал вопрос:

«...а на флагмане это сообщение не принято?»

Потом равнодушный ответ; я прямо увидел, как говорящий пожимает плечами:

«Судя по всему, нет».

«Плохо. А через сколько оно дойдет до командующего? Вообще, дойдет же?»

«Должно... Приняли, запишут, доложат и по радиотелефону передадут на флагман. Уже должны бы передавать».

«Какое? Какое сообщение?!» – заорал я.

«Что?... А-а... Хм... алайский гидросамолет передал, что видит корабли... Очевидно, противника».

«Когда?! Куда передал?»

«Минут пятнадцать. Передал на свой корабль, на крейсер».

«Сергею передали?»

«Нет, не передали» – это уже был Корней. – «Незачем раньше времени волновать резидента в такой ответственный момент».

В это время Сергей сообщил, что на мостике флагмана с подачи адмирала обсуждается вопрос о целесообразности нанесения второго удара по острову.

«Корней, этого нельзя допустить! Если Сергей будет знать, что флот конфедератов уже фактически обнаружен

алайцами, он сможет задержать вылет второй волны! Тут о каких-то минутах идет речь! Он сделает что-нибудь! Тем более, что базовые самолеты в основной массе и так погибнут при атаках на авианосцы».

«Рискованно» – был ответ. – «А вот сделать он, как раз, что-нибудь может...»

Я не понял, что именно считает рискованным Корней. То ли он боялся повредить резиденту, заставляя привлекать к себе ненужное внимание, то ли опасался оставлять без истребительного прикрытия авианосцы...

В это время Сергей сам сообщил, что сигнал с гидросамолета о контакте с кораблями конфедератов получен на флагмане.

«Ну вот...» – как-бы про себя сказал Корней. Сказал он это, конечно, мне.

Теперь на какое-то время ситуация разрядилась. Алайцам требовалось осознать полученную информацию и решить, как действовать дальше с учетом этой информации. На это время приказ о вылете второй волны к острову, по крайней мере, откладывался.

Через десять минут стало известно, что самолеты с двух авианосцев Конфедерации закончили построение и взяли курс на алайское соединение. Корней сам передал это Сергею, видимо понимая, что уже пора поторапливаться.

Поторапливайтесь, Корней, поторапливайтесь...

А я вдруг почувствовал, что теперь алайцы могут выиг-

рать. Конфедерация слишком запаздывала с подъемом своей авиации. Непозволительно запаздывала – с момента начала подъема самолетов прошло почти два часа.

Практически в этот же момент началась вторая атака на алайские авианосцы. Это также были бомбардировщики с острова. Их было раза в полтора больше, чем при первой атаке, он и эта атака была отбита. Большая часть самолетов была уничтожена, попаданий они не добились.

И параллельно с этим, пока шло отражение атаки, на алайском флагмане всё с того же гидросамолета-разведчика приняли сообщение о составе обнаруженного им вражеского соединения. В сообщении были перечислены типы и количество кораблей. Авианосцев среди них не было! Я запросил координаторов. Координаторы сказали, что гидросамолет наблюдает соединение кораблей Конфедерации с двумя авианосцами. Никакое другое соединение он видеть не мог.

Я понимал, что сейчас там, на мостике флагманского авианосца Сергей должен, обязан просто настаивать на уточнении этого сообщения, на передаче пилоту прямого приказа произвести доразведку и передать совершенно точные данные о составе вражеского флота во что бы это ни стало. Как в каком-то кошмарном сне с завидным упорством и со всё возрастающим напряжением ситуация возвращалась по спирали к фатальной точке, где сама судьба как будто заставляла сориентировать вторую волну на удар по острову, перевооружив её с торпед на бомбы, скрывая вражескую палуб-

ную авиацию до того момента, когда она сможет материализоваться из ничего прямо над алайскими кораблями.

И сейчас же, как усмешка превосходства все той же судьбы, из-под самой стратосферы на алайские корабли посыпались тонны бомб из высотных бомбовозов Конфедерации, неуязвимых ни для истребителей, ни для зениток. Впрочем, как и в прежние разы, о которых мне было известно, применение этого супероружия практических результатов не имело.

Когда зенитчики и пилоты истребителей алайского соединения ещё расправлялись с самолетами с острова, когда корабли алайцев, наверное, теряли друг друга из виду за столбами воды, поднятыми ударом бомбовозов, все тот же пилот гидросамолета в сложившейся уже у него манере неспешного репортажа, будто желая, чтобы слушатели прониклись чувствами от смены картин, передал, что строй кораблей противника замыкает корабль «похожий на авианосец». Координаторы откровенно развлекались, хихикая, повторяя друг другу эту фразу. Корнею опять пришлось призвать их к порядку.

Теперь события должны были уже пойти к определенному исходу. На мостике алайского флагмана просто обязаны были принять решение о немедленной атаке флота Конфедерации. Тут уже всё было ясно. Наконец-то... Была, правда, ещё одна деталь – возвращающаяся первая волна. Я искал её на экране, запутался в мешанине отметок и запро-

сил координаторов. Оказалось, что самолеты, атаковавшие остров, уже вернулись и находились практически над своими авианосцами. Посадку, однако, ещё не начинали. Мне снова стало не по себе. Я чувствовал, что реально переживаю за алайцев, мне просто страшно, что они могут не успеть... Что, если сейчас они решат сначала всё-же принять первую волну, ведь у истребителей, наверное, почти закончился бензин. Но ведь должны же они понимать, что раз у противника есть авианосцы, то надо уже теперь ждать удара, потому что конфедераты не могут не знать, где находится алайское соединение! Алайскому адмиралу известно, что гидросамолеты противника наблюдали за ним ещё на восходе солнца, что базовые самолеты перед гибелью не могли не сообщить его место. Или, может быть, алайцам имеет смысл как раз сперва принять самолеты, прикрыть соединение истребителями, принять удар палубной авиации противника... Отразить его, так как по боевому опыту алайские летчики в разы превосходят конфедератов... Я не знал, какое решение было бы предпочтительнее. В любом случае, на принятие этого решения мы отсюда повлиять не могли. Серей, находясь там, мог. Но и он не знал, какое из этих решений было бы единственно правильным. Вернее, он должен был понимать, что ни то, ни другое заведомо правильным быть не может.

Я вдруг с какой-то злостью понял, что теряю интерес к происходящему внизу. Мы, в смысле прогрессоры, были явно не готовы влиять на ход этого сражения. У нас просто

не было средств. Вообще сражения, даже такого уровня – это для нас чистая тактика. Так не достигаются цели долговременных прогрессорских операций. Если было принято решение поддерживать Алайскую империю, то нам следовало хотя бы организовать информационное обеспечение: заблаговременно наладить у алайцев нормальную стратегическую разведку либо систему непосредственного «вбрасывания» им информации о противнике. Применительно к данному сражению – о выходе флота Конфедерации к острову. Также неплохо было бы занять прогрессорскую сеть в военно-морском флоте Конфедерации, раз уж решили играть против него, и задержать хотя бы на день выход этого флота. Много чего я мог бы предложить на вскидку, но – как известно – задним умом мы все крепки...

Конечно, нам может повезти, и алайцы сейчас вчистую разгромят флот Конфедерации и займут этот злосчастный остров. Или не повезти, со всеми вытекающими... Но это будет именно случай, к нам, выступившим в роли вершителей судеб, отношения не имеющий. А по большому счету, ещё до начала сражения все преимущества были у Конфедерации. Может быть за исключением суммарной огневой мощи кораблей, но алайская линейная эскадра была всё ещё очень далеко, вне зоны непосредственного сражения и не могла повлиять на его ход даже фактом своего наличия, так как она то как раз ещё не была обнаружена конфедератами. И победить сейчас Алайская империя могла только за счет каче-

ственного превосходства своей авиации, за счет своего опыта, да и то только при условии продолжения своего непонятного, какого-то магического, сопутствующего ей все полгода с начала войны, везения. Всё того же случая, непонятного даже нам...

В общем – не стоило, как мне кажется, нам ввязываться в этот морской бой, раз уж мы к нему готовы не были и не подготовили своих протезе. А так, своими дерганьями мы рискуем только сорвать тот самый магический настрой, который похоже есть пока у алайцев.

Потом, вспоминая все эти события, я поразился, как для меня растянулось время. Все свои мысли, которые я тут попытался воспроизвести, шли каким-то фоном в тот период, когда я следил за второй атакой базовых самолетов с острова на алайское соединение. Эта атака, как я потом уточнил, заняла около двадцати минут, и когда я стал думать о напрасности наших попыток вмешаться, она ещё не закончилась.

Сразу после её окончания, Сергей сообщил, что адмирал отдал приказ второй волне атаковать корабли Конфедерации. Не сказать, что я совсем уж не обрадовался этому, но теперь я осознавал, что нахожусь в роли даже не наблюдателя, а простого зрителя. И после этого я как-то сразу успокоился. Было принято определенное решение, теперь надо было ждать, к каким последствиям оно приведет. Но судьба снова проявила настойчивость, хотя на этот раз уже не так решительно. Ещё одна группа базовых бомбардировщиков

вышла в атаку на алайские корабли, но почему-то пилоты выбрали целью не авианосцы, а линкор охранения. Попадания не было.

Через пять минут самолеты со всех четырех авианосцев начали взлет. Через пятнадцать минут он был закончен, и вторая ударная волна направилась к кораблям Конфедерации. Ещё через пять минут началась посадка самолетов первой волны, занявшая двадцать минут. На удивление, координаторы сообщили, что, по-видимому, все самолеты, вернувшиеся от острова, сели благополучно. Это было ненамного лучше корабля «похожего на авианосец», и я мысленно похихикал над этим их «по-видимому».

Я вылез из капсулы и пошел искать Корнея. Он был за главным пультом и секунды две смотрел на меня со странным выражением лица. Мне подумалось, что он мог бы так же глядеть на пилота-алайца, вошедшего в операционный зал, бросившего свой шлемофон перед Корнеем на пульт и заявившего, что с него мол хватит...

– По-моему, что могли – мы сделали, – сказал я.

– Пожалуй, да, – согласился Корей.

– Я пойду, – сказал я. – А то у меня сегодня ещё работа есть.

– Да, конечно, – Корей поднялся из-за пульта. – Спасибо тебе.

– Да не за что, – я пожал плечами. – Я, кажется, ничего особо не насоветовал.

– Ну, мне нужно было, чтобы ты присутствовал. У нас мало людей, кто ориентируется в их флотских делах.

– Обращайтесь, – улыбнулся я.

Мы с Корнеем пожали друг другу руки, и я пошел к выходу. Проходя мимо отдыхающей смены координаторов, я слышал: «Чего это он? – Да он же раньше работал там... – А-а, не хочет досматривать». Верно подмечено, подумал я.

БВИ, терминал «Комиссия по контактам с внеземными цивилизациями»

Запрос: «Деятельность в среде иных цивилизаций».

Ответ (фрагмент): «В настоящее время Комиссия (*КОМКОН, Большой КОМКОН, КОМКОН-1*) на тех планетах, с цивилизациями которых установление обоюдо-осознанного контакта признано нецелесообразным в связи с низким уровнем их социального развития, осуществляет деятельность наблюдательно-коррекционного характера по долгосрочным программам подготовки данных цивилизаций к последующему контакту посредством развития местных социальных структур в рамках теории исторических последовательностей (ср. *прогрессорство*). В своей деятельности Комиссия частично использует теоретическую и опытную базу, выработанную существовавшими ранее научно-практическими организациями, специализировавшимися на работе с внеземными цивилизациями, в частности – *Института экспериментальной истории*. Такая деятельность ведет

ся только в отношении гуманоидных цивилизаций» (конец фрагмента).

20.12.2235г.

коммуникационное соединение

Каммерер: Геннадий, вы слышали выступление люденов?

Комов: Каких?

Каммерер: Что?.. А-а... наших, наших люденов – группы из института...

Комов: Нет, не слышал. А что там? Что-нибудь экстраординарное? Ночь на дворе...

Каммерер: Да мне самому только что позвонили... Я посмотрел запись, сейчас вам переправлю.

Комов: Максим, что за таинственность? Мы не в Дюма играем.

Каммерер: Суть заявления в том, что Сикорски сознательно убил Абалкина...

Комов: Вот те раз!.. Кто бы мог подумать!

Каммерер: Я не договорил. Убил из-за каких-то личных дел по Саракшу.

...

Каммерер: Геннадий, вы меня слышите?

Комов: Слышу. Это – что, правда?

Каммерер: В смысле?!

Комов: В прямом – вы же были в курсе всей этой исто-

рии... И Саракш – по вашей части.

Каммерер: Да, нет – это чушь какая-то!.. Что вы говорите! Я звоню потому, что меня насторожило, что они выступили именно сейчас. Сколько их слышно не было, а теперь, перед решением по «Зеркалу»...

Комов: Но это точно не правда, Максим? Вы можете утверждать обратное?

...

Комов: Максим?..

Каммерер: Это бред, Геннадий. Это очередной их бред. Они преследуют какую-то свою цель... Привлечь внимание...

Комов: Хорошо. Я посмотрю запись и перезвоню. Будьте на связи.

Каммерер: Хорошо, жду.

Комов: Да, еще! Максим, доклад с обоснованием продления секретности будет готов в срок?

Каммерер: Да, Вандерер его доделывает. Я как раз хотел все это обсудить.

Комов: Я понял, скоро перезвоню.

23.12.2235г. Музей

Я закончил редактирование текста доклада, закрыл файл, записал две кристаллокопии, удалил файл из терминала и обесточил его. Потом медленно собрал материалы, полученные от Каммерера, и упаковал их в родные папки, повозившись с магнитными застежками. Кристаллозаписи, тоже переданные Каммерером – он не все хранил на бумажных носителях – упаковал в футляры, пожалев, что не могу заставить себя снять копии хотя бы с них, не говоря уже о бумагах. Была у нас с Каммерером на самой заре наших общих дел такая договоренность.

Не приходилось мне ещё составлять документы для представления в Мировой Совет; хотя, может какие-то фрагменты моих обзоров Каммерер и включал в свои отчеты – что-то такое он говорил однажды. Было чувство, как перед экзаменом. Не знаю... Нет никакой уверенности, что выводы доклада о необходимости продления срока секретности по материалам операции «Зеркало» будут утверждены Советом. И дело даже не в том, убедит ли их моя аргументация – тоже спорная, кстати – а в том, что дело тут не в материалах, не в их содержании и возможных последствиях опубликования, а в очень и очень большом принципе свободы информации, который не нарушался, и это мне точно известно, ещё

не разу с момента принятия уже почти два столетия. Само по себе засекречивание информации, а тем более на столетний срок, уже было серьезным покушением на этот принцип. Но, по крайней мере, такая возможность всё-же официально предусматривалась для исключительных случаев. Да, конечно, случай с операцией «Зеркало» был исключительным. То есть с тем, что принято подразумевать под операцией «Зеркало» – учениями, репетицией по противодействию возможного инопланетного вторжения. Официально материалы были засекречены по причине вскрывшейся неготовности цивилизации к такому противодействию, к возможной необходимости борьбы и даже войны. Неготовности как организационных структур, так и, что было гораздо хуже, психологической неготовности человечества, коллективов, отдельных людей. На мой взгляд, было правильно сделано, что эти выводы закрыли. В обосновании указывалась необходимость выработки и осуществления различных социальных и организационных программ по преодолению выявившихся в ходе «Зеркала» недостатков. Однако в реальности ничего предпринято не было, кроме составления по горячим следам размытых положений и руководств, содержащих набор благих пожеланий. И не было попыток реализовать даже их. Раньше у меня складывалось впечатление, что те, кто планировал и проводил «Зеркало», сделав из него выводы, не особо удивились, отметили для себя то, что ожидаемый результат подтвердился, и потеряли дальнейший интерес к предме-

ту. Конечно, можно попытаться объяснить все узостью круга лиц, полностью посвященных в ход операции, и тем, что впоследствии на их плечи легло огромное количество забот куда более материальных и срочных... Но тогда это будет уже характеризовать всю нашу систему исполнительных структур, стиль их деятельности и степень ответственности, а к фактическому положению дел относиться так и не будет.

Теперь я понимал, что посредством засекречивания операции «Зеркало» было произведено засекречивание факта контакта со Странниками, имевшем место в ходе осуществления этой операции. А уж был ли это осмысленный контакт или простое столкновение двух чуждых цивилизаций, был он случайный или запланированный, от кого в таком случае исходила инициатива, в какой вообще форме он происходил, и были ли достигнуты какие-нибудь договоренности – это так и осталось неизвестным. Вот Каммерер говорит, что – были, но... Судя по тому, как поспешно и надежно все концы были спрятаны, контакт развивался далеко не по принятой в КОМКОНе формуле, да и результаты, видать, были нестандартные.

Естественно, в моем докладе ни о каком контакте ни с какими Странниками речь не шла. Упор я сделал все на ту же неготовность Земли к отражению агрессии извне, на то, что за прошедший век в этой области никто палец о палец не ударил. Само по себе этого было мало, но реальные факты, подкрепленные социально-психологическими исследовани-

ями, которые я не поленился подобрать, говорили о том, что, если начинать сейчас какие-либо оборонные мероприятия, то нам в первую очередь придется преодолевать сопротивление общества как раз самому факту таких мероприятий, так как общество в них необходимости не видит, а видит угрозу умозрительно выстроенной благолепной концепции открытого и мирного галактического человечества. Но начинать эти оборонные мероприятия надо всё равно, потому что не уютно жить в неизвестности без какой-либо внешней защиты, даже если она пока ещё ни разу не потребовалась. А значит – следует принимать необходимые меры, не распыляясь на преодоление социальной инертности. Каким образом это можно сделать в условиях секретности, мне даже не пришлось придумывать. Я был знаком с аналогичными работками, имевшимися на Гиганде, в той же Алайской империи, и немного перестроил их для наших условий, особенно не напрягаясь. И ещё в качестве дополнительного обоснования своего плана я указал в докладе на то, что некоторые наши «поднадзорные» в прогрессорском смысле цивилизации – прежде всего та же Гиганда и, при определенных условиях, Саракш – в обозримом будущем выйдут в ближний космос, начнут его осваивать, а следующим этапом могут стать и межзвёздные полеты. Учитывая то, что на Земле со времени уровня развития, соответствовавшего данным цивилизациям, до выхода в Галактику прошло всего около ста пятидесяти лет, то есть над чем задуматься. Если Земля

– по типу такая же цивилизация – преодолела этот путь в такой срок, то ничего не мешает сделать то же самое и другим, по крайней мере технически. А уж как они себя поведут на просторах Галактики, ещё не известно – поэтому нужно думать о возможном противодействии не только гипотетическим Странникам, которых никто... Я по инерции подумал «в глаза не видел», но, если верить Каммереру – видели...

Вот ведь тоже интересная ситуация. Если объективно, то я могу назвать себя одним из... наверное из пяти лучших из ныне живущих специалистов по теме Странников. Если, конечно, все участники контакта тридцатых годов прошлого века уже умерли. И если сам контакт, конечно, был. И при этом я сам себе не могу с уверенностью сказать, что Странники – это реальность. Я имею в виду, реально ли их присутствие в Галактике последние век-два. И это несмотря на то, что я осознанно занимаюсь этой темой лет пятнадцать. И вот я, который не только за эти пятнадцать лет не смог разобраться в проблеме, но даже определить: имеет ли она какое-либо действительное наполнение или это только современный миф, так вот я пытаюсь навязать свои предположения, ни на чём кроме собственного, тоже не понятно откуда взявшегося, убеждения не основанные, Мировому Совету в качестве руководства к реальным действиям. То есть высший орган нашей цивилизации, организация, формулирующая и воплощающая волю человечества Земли, будет руководствоваться моими измышлениями по теме, обсуждать до-

стоверность которой очень давно считается дурным тоном. А инициировано это всё не переживаниями за судьбы Земли, не беспокойством по поводу незащитности перед неизвестным, а каким-то уже почти автоматическим процессом по сокрытию неких фактов столетней давности. Даже не самих фактов, а сведений о том, что какие-то факты имели место быть. Ладно, меня самого тема Странников интересует чисто с историко-любительской позиции, я не считаю Странников не то, что представляющими угрозу для Земли, но не думаю даже, что они обратили хоть какое-то внимание на нашу цивилизацию. Потому что даже при Большом Откровении – и ведь тянет нас на громкие слова! – мы имели дело не со Странниками, а с людьми, начавшими трансформироваться... да, как я думаю, в Странников. Но так ведь и те, кто добивается сейчас продления срока секретности по «Зеркалу», боюсь, не представляют, с чем имеют дело и почему сами вынуждены вести себя определенным образом. На Каммерера вообще жалко смотреть, когда он пытается придать хоть какой-то смысл своим действиям. Ведь эти его заявления про полученный от кого-то приказ без каких-либо объяснений сохранять мифическую тайну выглядят чистым бредом... Хотя, возможно, бредом достаточно бредовым, чтобы быть правдой. Потому что выдумать такое и рассчитывать, что тебе поверят – это уж точно бред. Но ведь тайна эта, если о ней просто не упоминать, раствориться в мгновение, и никто и не догадается, что на этом месте была какая-то тай-

на... Зачем тогда она так активно выставляется напоказ? А она именно выставляется как раз всей этой возней с продлением секретности. Но даже те, кто таким образом выставляет напоказ эту тайну, действуют не осознанно...

В общем, чем больше я над всем этим размышляю, тем больше мне нравится одна мысль, имеющая хождение по поводу проблемы Странников в кругах таких же как я историков-любителей, потому что больше никто об этой проблеме уже и не думает, ну, кроме ещё Каммерера и компании, как выяснилось. Мысль такая, что Странники – это информационный фантом, возникший и автоматически живущий в ноосфере человечества, под который также автоматически, неосознанно подгоняются какие-либо необычные факты. А суть живучести этого фантома в том, что человечеству неуютно в пустой вселенной, где все известные цивилизации стоят либо на значительно низшем уровне развития, либо просто в стороне от направления развития Земли. И поэтому человечество бессознательно населяет вселенную какими-то могущественными и таинственными силами. Возможно, это даже отголосок религиозности. Ведь на протяжении всей своей истории люди верили во что-то сверхъестественное. В бога, в чертей, в переселение душ, в фэй и домовых, в «летающие тарелки»... Странники – просто следующий уровень. И все их почти двухсотлетние поиски лучше всего иллюстрируются гениальной в своей безумности поэмой Кэрролла «Охота на Снарка». Первый раз я прочитал её ещё в

детстве, она меня особо не впечатлила, но потом, уже занимаясь Странниками, я очень часто ловил себя на мысли: всё, что пытаюсь делать я, что делали в свое время Следопыты – всё это так ровно укладывается в образный, метафоричный ряд этого произведения, что остается только посмеиваться над собой и своими коллегами. Удивляюсь, как это Следопыты сами не избрали «Охоту на Снарка» своим гимном, как например семигранную гайку – символом. Ведь, насколько мне известно, многие из Следопытов с достаточной долей иронии относились к своей деятельности, считая целью не столько поймать-таки за хвост Странников, но под знаменем их поисков осваивать космос.

В дверь постучали и вошел Гриша Серосовин Мы поздоровались, и я протянул ему кристалл с текстом доклада.

– Готово? – полуутвердительно сказал он. – Как будем аргументировать?

– По-старому, – сказал я.

– То есть, решили вообще не упоминать про Странников?

– Ну, да...

– Понятно. Думаешь, получится?

– Скорее – да, чем нет. Вот это все ты тоже заберешь? – я показал рукой на лежащие на столе папки и футляры.

– Не знаю... – Гриша поскреб пальцами щеку. – Шеф что-то ничего про это не говорил.

– Ну, мне в любом случае это оставлять у себя не следует. Отдашь всё Каммереру, он разберется, это всё от него.

– Ну, хорошо, только как я все это понесу? – Гриша развел руками. – У меня с собой ничего нет... А тащить всё это в охапке по улицам, наверное, не следует. Как ты полагаешь?

Я сказал, что полагаю – не следует, и стал искать в кабинете сумку, в которой приносил свои вещи, когда перебрался сюда для работы над докладом.

– Тим, а почему ты тогда ушел из координационной?

– Когда?

– Ну, когда вы там по Гиганде работали с Корнеем, неделю назад...

– А-а... – не люблю я такие разговоры. – Там события пошли уже сами по себе, отсюда направлять мы их не могли, а просто смотреть мне как-то не хотелось, это ведь не лаборатория, не игра, понимаешь... – я рылся в шкафу в писках сумки, уже видя, что там ее нет.

– Я там тоже был, меня Каммерер направил посмотреть... И ведь алайцы выиграла.

– Да, я знаю. Повезло, – сказал я. Интересно, зачем это Каммерер его туда посылал, и зачем он мне об этом говорит.

– Знаешь, Корней потом сказал, что это только благодаря тебе.

– В каком смысле?

– Да брось ты свою манеру притворяться!

– Нет, совершенно серьезно – по поводу чего он это сказал? – мне в действительности было непонятно, ничего такого судьбоносного я, кажется, там не совершил. Посидел, па-

ру каких-то советов высказал, вообще управлять операцией на той стадии извне было просто невозможно.

– Ты там предложил какую-то телеграмму задержать...

– Так...

– А потом они на машинах просчитали, когда всё уже закончилось, и оказалось, что вот та телеграмма...

– Радиограмма, – поправил я.

– Да? Какая разница... Так вот оказалось... То, что она не дошла там до командующего... В общем из-за этого алайцы как-то выиграли во времени и смогли... Я сейчас не помню точно... Они смогли поднять самолеты для удара, а конфедератцы... Правильно?

– Конфедераты.

– А, да... Так вот они ударили по алайским кораблям, когда самолетов на их палубах не было – одни уже улетели, а другие успели спустить вниз, для перевооружения что-ли...

– Все равно три авианосца из четырех повреждены и вышли из боя.

– Но у конфедератов-то затонуло два авианосца и третий был серьезно поврежден. Так вот, как раз когда потом всё на машинах просчитывали, вывели, что если бы теле... радиограмма была получена, то... Ну, там всякие причины-следствия... То на момент удара конфедератов самолеты должны были ещё стоять на палубах. Заправленные там, с бомбами... Поэтому разрушения должны были бы оказаться значительно сильнее.

– Ну, в такой-то ситуации, конечно...

Я был даже немного потрясен. То, что я предложил не сообщать алайскому командующему о необходимости второго удара по острову, было продиктовано только знанием о приближении авианосцев Конфедерации и необходимостью иметь самолеты для удара по ним. То, что такая небольшая деталь повлечет кардинальные изменения в сражении, я даже не предполагал. Я и сейчас-то в это с трудом верил, а уж тогда почти не придавал значения: остались самолеты на палубах – хорошо, появятся вражеские авианосцы – будет чем ответить, но ведь эту возможность алайцам нужно было ещё правильно использовать, что в свою очередь зависело тоже от многих случайностей...

– И что именно сказал Корней? – переспросил я.

– Ну, что алайцы, вроде как, победой обязаны тебе лично...

– Надо же...

– Да, а ещё потом, когда всё это обсуждали с нашим резидентом на алайском корабле, то он сказал, что попаданий в их корабли было ровно столько, сколько выпало, когда они проигрывали операцию на картах. Они там кидали игральные кости...

– Я знаю... Не может этого быть!

– Я сам удивился! Поговори с Корнеем... Ну, или с кем-нибудь ещё там, это все слышали.

– Ничего себе... – только и оставалось мне сказать.

Я сел на стул, откинулся на спинку, заложил руки за голову и произнес:

Падает с листком...

Нет, смотри! На полдороге

Светлячок вспорхнул.

– Что это? – спросил Гриша.

– Басё, – сказал я.

– А-а... Михаил Альбертович у нас тоже всем таким одно время увлекался, после того случая...

– Я знаю, – сказал я, а сам подумал, что Сикорски вот всю жизнь, например, «всем таким» увлекался. И кто об этом помнит?

Через несколько минут я стоял на ступеньках перед входом в музей и щурился на солнце. Была неплохая зимняя погода – градусов пятнадцать, ясное небо, светового дня оставалось ещё часа два, и я наконец начинал осознавать, что работа моя над этим непонятным докладом закончилась и можно подумать, чем теперь заняться ради собственного удовольствия. С утра шёл снег, и на площади перед музеем успели протоптаться узкие тропинки, как будто сшивающие её противоположные стороны. Несколько киберов-уборщиков, окутанные клубами снега, дефилировали по периметру, жужжа своими плоскими круглыми щетками, потому что

на них отчего-то не нацепили лопасти для очистки от снега большого пространства. Я достал телефон, чтобы набрать номер, но рукам стало холодно, и я засунул телефон в нагрудный карман. С площади к дверям музея поднимался какой-то человек, забавно поворачиваясь из стороны в сторону в большой мохнатой дохе, лицо его наполовину было закутано красным шарфом. Поравнявшись со мною, он вдруг остановился и, резко повернувшись, направился ко мне, при этом он поскользнулся на мраморной ступени, взмахнув толстыми рукавами дохи, и чуть не упал.

– Тим Вандерер, если я не ошибаюсь? – спросил мужчина.

– Да, здравствуйте, – сказал я.

– Добрый день, – ответил он. – Я из группы «людены»...

От Павла Михайловича.

«О нет!» – мысленно застонал я и сказал:

– Как интересно...

– Что вы можете сказать по поводу нашего выступления? – как-то очень быстро проговорил мой собеседник.

– Какого именно? – спросил я, так как уже давно особо не следил за их выступлениями.

– По поводу того, что Сикорски убил Абалкина из-за того, что тот открыл что-то на Саракше.

«Боже мой!» – мне пришлось сдержаться, чтобы не застонать в голос.

– А Абалкин вёл какие-то свои исследования на Саракше? – спросил я, чтобы сказать хоть что-нибудь.

– Мы полагаем, он открыл нечто случайно, при осуществлении своей основной работы.

– В ходе последней операции? – мне хотелось поскорее от него отделаться, но грубить пока ещё я не собирался.

– Что? А, ну, видимо – да, раз после этого он бросился на Землю...

Тут телефон у меня в кармане завибрировал, напоминая, что готов послать вызов, и я, наклонив голову вниз, сказал тихо: «Изольда».

– Ну, раз вы знаете про операцию! – вырвалось у «люде-на». Он вплотную придвинулся ко мне, и наши головы почти соприкоснулись. Я перехватил взгляд его вдруг широко раскрывшихся глаз, и это взгляд мне не понравился. На Земле почти не встретишь такого взгляда, а вот на Гиганде я насмотрелся...

– Мы предлагаем вам обсудить всё это и возможные последствия, – быстро добавил он полушепотом.

– Да ничего я и не знаю, – сказал я, отшатнувшись. Я не понимал, что происходит.

– Да-да, конечно, не сейчас, в другой обстановке, – «люден» оглянулся по сторонам. – Когда у вас будет время, мы всё понимаем... Но, хотелось бы, конечно, в ближайшие дни... Мы ни на чем не настаиваем, но вы же должны понимать, что...

– Послушайте, – сказал я и подумал, что до сих пор не знаю, как его зовут, – я, кажется, уже говорил вашим... кол-

легам, что мне не хотелось бы... Что мне было сказать – это опубликовано. Выступайте в прессе... впрочем, вы говорите, что выступили... Я просто не читал ещё, поэтому мне трудно ориентироваться, о чем именно вы... насколько...

– Да-да, вы правы. Вы не можете открыться, не зная, чем располагаем мы. Поэтому мы и предлагаем обсудить. Ознакомьтесь с нашей статьей и вам, возможно, захочется поговорить более предметно... Не смею вас задерживать. Как с нами связаться, вы знаете. До свиданья.

После этого он развернулся и, переваливаясь, стал спускаться вниз.

– До свиданья, – сказал я уже ему в спину.

Как обычно, после общения с представителями этой группы у меня осталось какое-то неприятное впечатление: то ли как от чего-то стыдного, то ли как от чего-то гадкого. На мой взгляд, группой «людены» и им подобными должны были уже давно заинтересоваться врачи-психиатры, которые ослабили свое внимание к человечеству, все больше занимаясь по прогрессорской части. И если бы хоть что-то эти псевдоисторики могли дать мне в моих поисках, как я раньше рассчитывал... Но они не утруждали себя даже собиранием данных, которые преподносили потом в совершенно жутких формах после своих препарирований. Они хватали всё из открытых источников, причем брали всё и отовсюду: факты, слухи, анекдоты, какие-то обрывки, вырванные с кровью из контекста, интерпретации через десятыя руки, совершенно

не заботясь о каком-либо анализе. Мне казалось, они не знали о существовании такой возможности.

– Ну, где ты там есть-то?! – расслышал я голос Изольды из кармана своей куртки.

– Да, говори, – я вытащил трубку и прижал к уху.

– Ты что молчишь? Что за манера всегда – звонить и молчать?

Я улыбнулся.

– Да, понимаешь, тут один дурак напал – так пришлось отбиваться.

– Дура-ак? Везет тебе...

– Слушай, Изольд, ты ничем не занята? Давай сейчас слетаем в Гвиану, ну туда – рядом со старым космодромом, где в тот раз были, помнишь?

– Давай... а что это на тебя нашло?

– Да противопоказано мне общаться с дураками. На песке поваляемся, вина попьем. Но только прямо сейчас! Как раз рассвет посмотреть успеем. Кстати, отметим кое-что, я тут один доклад закончил...

– Из тех, что не печатают никогда?

– Там расскажу. Жди, я за тобой заскочу, только дома вещи брошу.

25.12.2235г. Зал заседаний Мирового Совета

Каммерер и Вандерер сидели на балконе в зале заседаний Мирового Совета. Балконы в несколько ярусов опоясывали сферический зал, свод которого терялся на высоте семидесяти метров. Здание на гигантском постаменте незаметно поворачивалось вслед за солнцем, лучи которого проникали через прозрачные стены в верхней части, поэтому внутри ход времени воспринимался каким-то странным образом, так как солнце двигалось только по вертикали: вверх-вниз.

Зал на несколько тысяч человек был практически пуст – шло заседание президиума, в компетенции которого было решение вопроса о продлении срока ограничения на доступ к информации.

– Странно, – сказал Вандерер, заглядывая вниз, в зал, – в детстве я очень хотел сюда попасть, а потом как-то позабылось, и теперь такое яркое воспоминание... Даже не воспоминание, а воспоминание о желании... Правда, забавно?

– Наверное, – сказал Каммерер. – И как впечатление? Я, кстати, здесь тоже только в третий раз нахожусь.

– Впечатление? – спросил Вандерер. – Не знаю... Сейчас впечатления нет, вот если бы я все-таки попал сюда ребен-

ком... И долго они будут?

– Так..., – Каммерер стал смотреть программу заседания. – Сейчас должны решить три процедурных вопроса, потом – наша очередь.

– Но я правильно понял, что обсуждения никакого не будет?

– Нет, это ведь все равно только технический вопрос. С текстом они ознакомились, каждый принял для себя решение, возможно был какой-то неофициальный обмен мнениями... Теперь будет просто голосование.

– ...

– Чему, Тим? – спросил Каммерер, услышав, что Вандерер хмыкает.

– Да вот ловлю себя на мысли, что представления о демократии, о парламентаризме у меня... – Вандерер повел рукой, указывая в зал, – В общем у меня в голове картинка из парламента на Гиганде, Саракш могу представить...

– Интересно... Вы как рекондиционирование-то прошли все-таки?

– А там уже и не надо было... Время вышло, да и возвращаться мне туда не придется. Если только с оккупационной армией.

– Смешно... В случае чего – с вами пойду.

– В каком смысле?

– Ну, если сейчас не утвердят наш... законопроект, да и разгонят в очередной раз нашу милую организацию. Вспом-

нят и КОМКОН второй и Сикорски покойного. Всё вспомнят.

– Вы это серьезно?

– Да куда уж серьезней. Вот рапорт уже написал, – Камерер похлопал по карману своего пиджака.

– И что потом?

– Что... На космодром и на Ружену, как ещё давно надо было... Да что это вы в лице-то переменились? Это я так, на всякий случай...

– А вы мне, Максим, не говорили, что всё так серьезно.

– Да, я думаю, ещё всё обойдется. Да и вас это ведь вообще не касается. Тем более, что сами вы обычно всей этой нашей кухней не интересуетесь, и правильно делаете, кстати.

– Бред какой-то... Может я, вправду, не всё понимаю?... Знаете, Максим, тут со мною на днях, позавчера такой... случай произошел.

– Какой же?

– Выхожу я из музея, а навстречу мне тип какой-то. Ну, заговорил со мною, представился. Оказалось, что из группы «людены».

– Как? И что хотел он?

– Я вас не напугал чем-то случайно? А то очень похоже... Ну, вот и начал он какую-то чушь нести, как всегда они, знаете...

– Про заговоры?

– Да, примерно. А у меня звонок был на трубке... То есть я

собирался позвонить, а он меня перебил. В общем я телефон в карман положил и с ним разговариваю...

– И что?

– Ну и параллельно хочу все-таки номер набрать...

– Так...

– А тыкать пальцами в кнопки как-то не удобно, мы же ещё беседуем, он мне про это их последнее выступление...

Ну, что Сикорски Абалкина...

– Я понял.

– Вот... Ну, я решил голосовым набором, знаете, функция такая есть...

– Да-да...

– Ну, и с ним одновременно пытаюсь разговор поддерживать, делаю вид, что очень мне все интересно. Не помню уже, что я ему там точно отвечал...

– Тим, это всё к чему?

– А к тому, что тут он у меня спрашивает: «Так вы всё про эту операцию знаете?»»

– Про какую операцию, Тим?

– Вот и я его спрашиваю: «Про какую?»»

– А он?

– Я так понял, что про Сикорски с Абалкиным в свете их выступления...

– А с чего он взял, что вы в курсе? Вы что-то находили про это?

– Да нет, ничего я не находил. Я вообще не знал, что там

можно что-то найти.

– Да... нет... так ничего там найти и нельзя... Правильно... Так с чего он-то подумал, что вы-то в курсе? Я не понимаю...

– Я Изольду назвал.

– Что вы сказали, Тим?

– Ничего я ему не сказал.

– Нет, сейчас вы что сказали?

– Про Изольду...

– Что вы знаете?

– Максим, боюсь вы тоже не поняли. Я по телефону вызывал Изольду, это моя знакомая. Я произнес её имя, чтобы сработал голосовой набор на телефоне, а тот тип что-то там сам для себя решил...

Через несколько минут они заговорили о другом.

– Вы не пытались использовать коллектор рассеянной информации, чтобы выяснить – что там было на самом деле при проведении «Зеркала»? – спросил Вандерер.

– Что использовать? – не понял Каммерер.

– Ну, так называемый «Великий КРИ». Помните, может, в первой половине прошлого века работала, кажется, в Австралии, такая автоматическая система сбора и визуализации информации...

– Что-то было, да.

– Мне кажется, ваша организация должна была этим за-

ниматься, вы же отслеживали всякие такие штуки.

– По-моему, там были проблемы с настройкой поиска, то есть вообще нельзя было задать интересующие параметры – система сама выдавала то, что ей удавалось найти. Но подумать надо, спасибо.

БВИ, терминал «Комиссия по контактам с внеземными цивилизациями» (КОМКОН), закрытый сектор, доступ для сотрудников на должностях не ниже руководителей управлений, доступ разрешен

Запрос: «Операция «Изольда».

Ответ (фрагмент): «...позволила сделать следующие выводы. Выездной врач базы «Саракш-2» К. Лоффенфельд в результате случайного стечения обстоятельств был задержан военным патрулем островитян и доставлен в распоряжение штаба группы флотов «Ц» в подразделение флотской контрразведки. Оснований считать, что Лоффенфельд был обнаружен в связи с наблюдением органами контрразведки за резидентом Л. Абалкиным, после проведения медосмотра которого произошло задержание, нет. Абалкин был вызван в подразделение контрразведки штаба для участия в качестве переводчика в допросе Лоффенфельда. В ходе допроса Лоффенфельд смог сообщить Абалкину сведения, составляющие тайну личности последнего, а также номер закрытого коммуникационного канала Р. Сикорски. Мотивы сообщения данной информации не ясны. Вероятно, сообщение уда-

лось произвести скрытно от лиц, проводивших допрос, так как Абалкин не был раскрыт островитянами до начала им самим активных действий по спасению тела Лоффенфельда.

Автор: М. Каммерер, дата: 17.11.2178г.» (конец фрагмента).

БВИ, терминал «Комиссия по контролю» (КОМ-КОН-2, не действующ.), закрытый сектор, доступ по отдельному списку, доступ разрешен

Запрос: «Операция «Изольда».

Ответ (фрагмент): «...установить действительные обстоятельства и причины смерти Лоффенфельда, а также судьбу его тела не представилось возможным. Обращаю внимание, что таким образом сам факт смерти Лоффенфельда нельзя считать абсолютно достоверным. Имевшиеся в интересующий период времени инструкции органов контрразведки Островной империи, а также сложившаяся практика обращения с лицами, задержанными по подозрению в шпионаже вблизи режимных объектов побережья, не предполагали ликвидации данных лиц ни в ближайшие несколько суток после задержания, ни по решению местных военных или административных органов (за исключением условий нахождения в зоне боевых действий). Лоффенфельд как работник обеспечения процессорских операций имел необходимую подготовку для выживания в подобных случаях.

В сентябре 78-го года младшая сестра и единственная

родственница Лоффенфельда Ирма (50-го г.р.) изъяла свои данные из регистрационной базы БВИ и покинула последнее место жительства в Дюссельдорфе. До настоящего времени нигде не зарегистрировалась, аналоговый поиск не проводился.

Автор: Г. Серосовин, дата: 04.02.2179г., количество экземпляров: (инф. отсутствует), получатели файла: (инф. отсутствует)» (конец фрагмента).